

ВОЛЬТЕР

Философские
повести

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер

Письмо одного турка

Серия «Философские повести»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158234

Вольтер «Философские повести»: Правда; Москва; 1985

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны «Философские повести», прежде всего «Задиг, или Судьба» (1747), «Кандид, или Оптимизм» (1759), «Простодушный» (1767). Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых «философия заговорила общепонятным и шутивным языком».

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера, проверить знаменитый тезис писателя: «Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

Содержание

Вольтер

Письмо одного турка о факирах и о его друге Бабабеке

В бытность мою в городе Бенаресе ¹ на берегах Ганга, там, откуда пошли брахманы ², я старался разузнать о них как можно более. Я порядочно понимал индийскую речь, я много слушал и все примечал. Поселился я у Омри, с коим уже прежде вел переписку; то был самый достойный человек, какового я когда-либо знавал. Он исповедовал религию брахманов, я же имею честь быть мусульманином; и нам никогда не случалось повысить голос, рассуждая о Магомете или Брахме. Мы бок о бок совершали омовения, мы пили один и тот же прохладительный напиток, ели один и тот же рис, как два брата.

Однажды мы вместе отправились в Гаванийскую пагоду. Там мы увидели несколько групп факиров, одни из которых были йоги, что значит факиры-созерцатели, другие же были

¹ Бенарес – город в северной Индии на реке Ганг; он считался родиной брахманизма, религии древних индусов.

² Брахманы – члены касты жрецов в Индии, почитатели Брахмы, творца и блюстителя общего порядка. Уже в I тысячелетии до н. э. обязанности жреца стали, как правило, наследственными и брахманы составили замкнутое сословие.

ученики древних гимнософистов³ и вели деятельную жизнь. Факиры, как известно, владеют неким ученым языком, языком самых древних брахманов, и написанной на этом языке книгой, которую они называют Веды⁴. Это бесспорно самая древняя книга во всей Азии, не считая Зенд-Авесты.

Я прошел мимо факира, читавшего эту книгу.

– Ах, презренный неверный! – воскликнул он. – Из-за тебя я сбился и перепутал количество гласных букв, которые подсчитывал; и теперь моя душа перейдет в тело зайца, а не в тело попугая, как я имел все основания надеяться.

Чтобы утешить его, я дал ему рупию.

Отойдя от него на несколько шагов, я, на свою беду, чихнул, и звук, произведенный мною, разбудил факира, Пребывавшего в экстазе.

– Где я? – сказал он. – Какое ужасное несчастье! Я не вижу более кончика моего носа, небесный свет исчез⁵.

– Если я причиной тому, что вы наконец стали видеть дальше своего носа, – сказал я, – то вот вам рупия, дабы исправить причиненное мною зло; созерцайте снова свой небесный свет.

³ Гимнософисты – так европейцы называли одну из индийских аскетических сект.

⁴ Веды – священная книга Древней Индии; распадается на Ригведу (сборник гимнов), Самоведу (сборник песнопений), Яджурведу (собрание жертвенных заклинаний) и Атхарваведу (сборник жреческих заговоров).

⁵ Когда факиры желают узреть небесный свет – что бывает с ними весьма часто, – они сосредоточивают свой взгляд на кончике носа.

Отделавшись от него столь благообразным образом, я перешел к другим гимнософистам; многие из них принесли мне хорошенькие гвоздики и хотели воткнуть их мне в руки и ляжки в честь Брахмы. Я купил у них эти гвоздики и велел прибить ими мои ковры. Одни факиры плясали на руках, другие ходили по слабо натянутой веревке; иные прыгали на одной ноге. Были и такие, что носили цепи, а иные выучные седла; некоторые засунули голову в глиняный очаг; словом, все были милейшие люди. Мой друг Омри отвел меня в келью одного из самых знаменитых: его звали Бабабек, он был голый, как обезьяна, на шее у него висела толстая цепь, весом более чем шестьдесят ливров ⁶. Он сидел на деревянном стуле, изящно украшенном торчащими гвоздиками, которые впивались ему в ягодицы, но можно было подумать, будто он сидит на атласном ложе. Многие женщины приходили просить у него совета – он был семейным оракулом, и надо сказать, что у него была весьма высокая репутация. Я сделался свидетелем долгой беседы между ним и Омри.

– Как вы думаете, отец мой, – спросил Омри, – смогу ли я, пройдя через испытания семи перевоплощений, достигнуть обители Брахмы?

– Это зависит от обстоятельств, – отвечал факир. – Какую ведете вы жизнь?

– Я стараюсь, – сказал Омри, – быть добрым гражданином, добрым мужем, добрым отцом, добрым другом; при случае

⁶ Ливр – старинная мера веса, около 490 граммов.

я даю деньги в долг без процентов богатым людям; раздаю деньги бедным, поддерживаю мир между моими соседями.

– А втыкаете ли вы когда-нибудь гвозди себе в задницу? – спросил брахман.

– Никогда, высокочтимый отец.

– Очень жаль, – возразил факир, – вы наверняка попадете только на девятнадцатое небо, а сие весьма прискорбно.

– Почему же? – возразил Омри. – Это весьма почетно, я как нельзя более доволен своим жребием: какая мне разница, будет ли это девятнадцатое или двадцатое небо, лишь бы я исполнил свой долг во время земного странствия и хорошо был принят на последнем привале! Разве не достаточно быть порядочным человеком в этой обители, а потом быть счастливым в обители Брахмы? На какое же небо думаете попасть вы, господин Бабабек, с вашими гвоздями и цепями?

– На тридцать пятое, – сказал Бабабек.

– Я нахожу забавным, что вы надеетесь попасть выше, чем я, – возразил Омри. – Это, разумеется, следствие чрезмерного честолюбия. Вы осуждаете тех, кто ищет почестей в земной жизни, почему же вы желаете для себя столь высоких почестей в жизни иной? И на каком основании рассчитываете вы, что с вами будут обходиться лучше, чем со мною? Знайте же, что я за десять дней раздаю больше милостыни, чем вы тратите за десять лет на все свои гвозди, какие вонзаете себе в зад! Какое дело Брахме до того, что вы весь день проводите голышом с цепью на шее; нечего сказать, великую услу-

гу отечеству вы этим оказываете! Я во сто раз более ценю человека, который сеет овощи либо сажает деревья, нежели всех ваших собратьев, разглядывающих кончик своего носа или от избытка душевного благородства навьючивающих на себя седло.

Высказавшись таким образом, Омри смягчился, обласкал факира, убедил его в своей правоте, наконец, заставил бросить гвозди и переселиться к нему, чтобы вести достойную жизнь. Факира отмыли от грязи, натерли благовониями, одели в приличное платье; две недели прожил он самым благо-разумным образом и признался, что чувствует себя во сто крат счастливее, нежели прежде. Но он потерял все свое влияние в народе; женщины перестали приходить к нему за советом; он покинул Омри и вновь уселся на свои гвозди, дабы пользоваться прежним почетом.